

ОЛЬГА
ДАШКОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

СЧАСТЛИВА ТЕБЕ НАЗЛО **ИЗМЕНА**

Ольга Дашкова

Измена. Счастлива тебе назло

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Измена. Счастлива тебе назло / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я увидела их случайно. В окне ресторана. За нашим столиком. С тем же взглядом, который когда-то принадлежал мне. Не закричала. Не бросилась с обвинениями. Просто развернулась и пошла домой, заваривать чай, улыбаться за ужином. Как всегда. Но кое-что изменилось навсегда. Потому что правда, когда начинает раскрываться, не ограничивается изменой. Она проникает глубже. До самого дна. И на дне я обнаружила не только ложь, но и кое-что о себе. О восьми годах, в течение которых я собирала себя по кусочкам и называла это любовью. Думала, что теряю все. Оказалось, что я только начинала обретать.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Дашкова
Измена. Счастлива тебе назло
«Измена. Счастлива тебе назло»

Глава 1

Я люблю ноябрь.

Все его ненавидят – за серость, за слякоть, за ощущение, что солнце ушло и не собирается возвращаться. А я люблю. Потому что в ноябре можно надеть большой свитер, спрятать руки в рукава и идти по городу так, будто ты невидимка. Никто на тебя не смотрит.

Все смотрят под ноги.

Встреча с заказчиком закончилась раньше времени. Он позвонил, перенес ее и извинился. Я стояла на Покровке с кофе в бумажном стаканчике и думала: вот он, неожиданно свободный час, что с ним делать.

Можно зайти в книжный. Можно просто дойти до метро пешком через Чистые пруды. Можно позвонить Наташе, она что-то говорила про новую выставку где-то в центре.

Наташе.

Почти набрала ее номер.

Ресторан увидела случайно, просто подняла глаза. «Жасмин». Наш ресторан. Тот самый, где Вова семь лет назад опустился на одно колено прямо посреди зала, а я так растерялась, что сначала засмеялась, а он испугался, и я сказала *да-да-да, конечно, да, я просто нервничаю*.

Потом мы приходили сюда каждый год в годовщину. Потом реже. Потом совсем редко – он говорил, что там сменился шеф и все уже не то. Я не собиралась останавливаться.

Но остановилась.

Они сидели за вторым столиком от окна. За тем самым, нашим, у колонны, увитой плющом. Наташа что-то говорила, чуть наклонившись вперед, и смеялась. Я знаю этот ее смех. Она чуть запрокидывает голову и прикрывает рот ладонью, потому что стесняется своих зубов. Мы смеялись вместе пятнадцать лет. Я знаю этот смех лучше, чем свой собственный.

Вова смотрел на нее.

Вот и все, что происходило. Они просто сидели, и он смотрел на нее.

Но я знаю этот его взгляд, я коллекционировала его в первые годы брака, засыпала с мыслями о нем, доставала его, как драгоценность, когда было плохо. Так он смотрит, только когда влюблен. Голова чуть набок. Легкая улыбка в уголках рта. Внутри полная тишина, так бывает, когда людям хорошо и они боятся спугнуть момент.

Так он смотрел на меня. Семь лет назад.

Сейчас он смотрел на Наташу.

Я стояла на улице в ноябре с остывшим кофе, толпа проходила сквозь меня. Мимо, мимо, мимо, и никто не видел, что со мной что-то происходит. Внутри стало очень тихо и очень медленно. Как будто кто-то убрал звук из фильма.

Картинка есть: вот окно, вот свет, вот двое за столиком... а звука нет.

Я не плакала.

Я даже не почувствовала боли. Не сразу.

Сначала было просто это странное оцепенение, как когда падаешь и еще не понял что упал. В художественной гимнастике это называется *окно* – момент между ошибкой и болью, когда тело еще не знает что сейчас будет плохо.

Я много раз падала на ковер. Я знаю это *окно* очень хорошо. Сейчас я стояла в своем *окне* и смотрела на мужа и лучшую подругу.

Потом Вова что-то сказал, Наташа снова засмеялась и потянулась через стол и коснулась его руки. Просто кончиками пальцев, секунду... и убрала. Такой маленький жест. Такой обычный жест. Я сама так делала тысячу раз.

Вот тогда меня накрыло.

Не слезами – нет. Чем-то другим.

Горячим и острым, как будто внутри грудной клетки что-то сдвинулось с места. Я подумала совершенно отчетливо, очень ясно, почти спокойно: *вот так значит.*

Развернулась и пошла.

Домой добралась на автопилоте. Не помню ни метро, ни переход, ни код от подъезда. Просто вдруг оказалась на кухне, в пальто, и в руке все еще был бумажный стакан с холодным кофе.

Поставила стакан на стол. Сняла пальто. Налила воды. Руки не дрожали. Это меня почему-то удивило. Я ожидала дрожи, ожидала, что буду не в состоянии, что сползу по стене как в кино.

Вместо этого я стояла совершенно ровно и смотрела на наш стол, на наши кружки на полке, на магнитик с Барселоны где мы были в прошлом году, и думала ни о чем конкретном.

Думала: я сама их познакомила.

Год назад, в марте. Наташа рассталась с Антоном, плакала, не выходила из дома. Я позвонила ей и сказала: *хватит сидеть дома, у нас вечеринка, приходи, там будут интересные люди, развеешься.*

Она не хотела идти. Я настояла. Я даже заехала за ней и сама привезла к нашему порогу. Я собственноручно вставила ее в эту дверь.

Поставила чайник. Он закипел, заварила чай, который не собиралась пить. В семь пятнадцать щелкнул замок.

– Сань, ты дома? – Вова снял куртку, прошел на кухню и поцеловал меня в висок. От него пахло ноябрем и еще чем-то – каким-то рестораном, едой, чужим теплом. – Задержался, совещание затянулось.

– Знаю, такое бывает.

Улыбнулась. Поставила перед ним кружку с чаем.

Вова сел, потянулся к телефону, что-то проверил, убрал. Я смотрела на его профиль: темные волосы, аккуратная борода, знакомые руки на столе. Двадцать три года я прожила без этого человека и не знала, что он существует. Потом семь лет – с ним. И вот теперь я стою на нашей кухне в двадцати сантиметрах от него, и он мне совершенно чужой.

Интересно, как быстро это происходит.

– Ты как? – спросил муж, не отрывая глаз от телефона.

– Немного устала. Пойду пораньше лягу.

Он кивнул.

Я ушла в спальню, легла поверх одеяла и уставилась в потолок. За окном шумел ноябрь. В соседней комнате Вова включил телевизор. Я лежала и думала об одном: *окно* когда-нибудь закроется.

И тогда будет больно.

Глава 2

Утро наступило раньше, чем нужно.

Володя еще спал: ровно дышал, лежал на спине, одна рука, как всегда, под подушкой. Я лежала рядом, слушала его дыхание и думала: вот он, рядом. Семь лет рядом. И совершенно непонятно, притворяется он спящим или правда спит. Раньше такой вопрос показался бы абсурдным.

Встала тихо. Прошла на кухню босиком, пол холодный, ноябрь просочился даже сюда. Кофе. Окно. Серое небо. Вчерашний вечер никуда не делся, он лежал внутри плотным тяжелым комком где-то под ребрами. Но ночью, пока не спалось, появилось кое-что новое. Появилось сомнение.

Маленькое. Противное. Живое.

А вдруг нет?

Может, это просто обед. Деловой обед. Наташа год назад говорила, что хочет сменить работу, искала связи, просила познакомить с нужными людьми. Вова – нужный человек, у него есть связи, контакты. Может, она наконец решилась попросить о помощи. А может, они вообще впервые встретились.

Может быть, тот взгляд, который показался мне таким красноречивым. Это просто взгляд уставшего мужчины, которому приятно поговорить с умной женщиной за хорошим обедом. Может быть, я все выдумала. Эта мысль была почти спасительной.

Почти.

Потому что сразу за ней следовала другая: *ты сама знаешь, что не выдумала.*

Тело знает. Оно видело этот наклон головы, эти полсантиметра между их пальцами на столе и... тело не ошибается. Пятнадцать лет занятий художественной гимнастикой научили меня одному – слушать тело.

Тренер Зоя Павловна говорила: *голова врет, ноги не врут.* Сейчас голова предлагала спасительные варианты. А что-то глубже, ниже, в самом центре, тяжело и уверенно молчало.

И все же.

Митя – Наташин сын. Семь лет. Темные волосы, серые глаза, нос картошкой. Я видела его сто раз, возилась с ним, пока Наташа бегала по делам, покупала ему конструкторы на дни рождения.

Темные волосы.

Вова – брюнет.

Мысль пришла внезапно, и снова без предупреждения, поставила кружку на стол резче, чем хотела. Кофе выплеснулся на столешницу.

Стоп.

Митя – сын Антона, бывшего мужа Наташи. Это факт. Наташа была замужем за Антоном три года, Митя родился в браке, я была на крестинах. Держала этого младенца на руках. Помню.

Но развелись они когда Мите было четыре.

Причину Наташа никогда не называла, говорила *не сошлись характерами*, уходила от темы, меняла разговор с той легкостью с которой меняют неудобную обувь. Не давила, уважала чужие границы, считала себя деликатным человеком.

Теперь сижу на кухне и думаю: когда именно они расстались с Антоном? По-настоящему расстались, не официально, а так, по-настоящему? Митя родился семь лет назад. Мы с Вовой познакомились восемь лет назад. До свадьбы встречались год.

Восемь лет назад.

Цифры плавают в голове и никак не складываются в то, во что не хочется верить.

Не выдумывай, – говорю себе тихо и твердо. – Ты ищешь то чего нет. Это от шока. После шока голова начинает строить монстров из теней.

Встала, вытерла кофе, прополоскала кружку. Монстры не ушли.

Телефон лежал на подоконнике. Наташина страница открылась сама собой, пальцы нашли ее раньше, чем мозг успел их остановить. Фотографии. Митя на качелях. Митя с котом. Митя в школьной форме – первый класс, сентябрь, серьезное лицо и огромный портфель.

Темные волосы.

Но у Антона тоже темные волосы, я видела его несколько раз, это высокий угрюмый мужчина, который всегда выглядел не слишком довольным жизнью. Темные волосы – это вообще ничего не значит. Брюнетов половина страны.

Пролистала дальше. Старые фотографии: Митя совсем маленький, ему года три. Смеется в объектив. Наташа держит его на руках, щека к щеке, и на ее лице такое счастье – настоящее, не для камеры.

Я долго смотрела на этот снимок.

Наташа – хорошая мать. С этим не поспоришь. Митю она любит так, как умеют любить только те, у кого внутри очень много – или очень мало – всего остального. Может быть, именно поэтому ее брак с Антоном распался: она отдала всю себя ребенку, и на мужа сил не осталось. Такое бывает.

Такое бывает, и это ни о чем не говорит.

Закрыла телефон.

Флэшбэк пришел сам. Я его не звала, он просто всплыл из памяти, как поднимается со дна потревоженный осадок.

Март прошлого года. Вечер теплый, не по-мартовски, окна открыты, играет музыка. В нашей квартире полно народу. Вова любил такие вечера, шумные, с вином и долгими разговорами до двух часов ночи.

Наташа не хотела идти. *Саш, я плохо выгляжу, ревела три дня, Антон окончательно забрал вещи, мне не до праздников.* Я слушала в трубке ее тихий голос и думала только об одном: подруге плохо, нужно вытащить ее из этой норы.

Заезжай за мной, – попросила Наташа. – Одна я не доеду.

Приехала. Помогла выбрать платье. Сделала ей стрелки, у Наташи руки тряслись, сама не могла. Подвезла к нашей двери, позвонила, Вова открыл.

Стоял в проеме: в черной рубашке, с аккуратной бородой, с улыбкой хозяина дома. Сказала: *Вов, это Наташа, я тебе рассказывала.* Он ответил: *Конечно, проходи.* Подал руку.

Наташа переступила порог. Вот и все. Ничего особенного. Обычный вечер.

Сейчас я стою на кухне и снова и снова прокручиваю эту сцену – ищу момент. Тот самый момент, когда нужно было что-то почувствовать, насторожиться, остановиться. Не нахожу. Там не было ничего: ни искры, ни взгляда, ничего, что можно было бы понять и на что можно было бы отреагировать.

Или было? Или я просто не смотрела?

Из спальни донеслись шаги. Вова появился в дверном проеме кухни, взъерошенный, в футболке, потянулся к кофемашине. Привычный. Домашний. Родной – странное слово, родной, и как же оно теперь ощущается.

– Рано встала, – сказал, не оборачиваясь.

– Не спалось.

Загудела кофемашина. Вова ждал, потирая подбородок большим пальцем снизу вверх – этот жест я знаю как свои пять пальцев. Так он делает, когда о чем-то думает. Или когда волнуется.

О чем он беспокоится в семь утра? Раньше я бы не задала себе такой вопрос. Взял кружку, обернулся, посмотрел на меня – обычный утренний взгляд, ничего особенного.

– Ты в порядке?

– Просто кофе не помогает, – улыбнулась. – Наверное, ноябрь.

Кивнул. Сел напротив. Пили кофе в тишине, в той тишине, которую я семь лет считала уютной. Тишина двух людей, которым не нужно ничего говорить.

Теперь я сижу в этой тишине и думаю: а вдруг она всегда была неуютной? Вдруг она всегда была просто тишиной?

За окном ноябрь. Серый. Честный. Безжалостный. Смотрю в кружку и думаю о том, что некоторые вопросы страшны не ответами. А тем, что их слишком долго не задавали.

Глава 3

Говорят, что правда всегда где-то рядом. Просто не смотришь в нужную сторону. Как там было водной популярном сериала про агентов: «Истина где-то рядом», но Малдер и Скалли едва не заплатили за нее жизнями.

Три дня после ресторана жила как обычно: вставала, варила кофе, улыбалась, готовила ужин. Вова уходил на работу, возвращался, что-то рассказывал про совещания и партнеров. Кивала, переспрашивала в нужных местах, смеялась когда нужно смеяться.

Внутри при этом было совершенно тихо, как в комнате из которой вынесли всю мебель. Стены есть. Пол есть. А жить негде.

На четвертый день доказательства начали приходить сами.

Не искала их. Честно – не искала. Они просто вдруг стали видимы, как те картинки-стереограммы которые сначала кажутся просто цветным шумом, а потом глаз находит фокус – и уже невозможно разглядеть обратно просто шум. Только объем. Только то что было спрятано все время.

Первое было голосовое сообщение.

Наташа прислала в среду утром, пока Вова был в душе. Телефон лежал на тумбочке экраном вверх, уведомление выскочило само. *Саш, привет, ты как? Давно не слышались, соскучилась.*

Голос – чуть виноватый. Чуть слишком нежный. Такой голос бывает у людей которые звонят не потому что соскучились, а потому что беспокоит совесть и нужно заглушить.

Пятнадцать лет дружбы. Знаю этот голос в любом состоянии: когда она злится, когда влюблена, когда врет. Наташа не умеет врать голосом, это ее уязвимость, она сама знает, поэтому всегда предпочитала текстовые сообщения в неудобных ситуациях.

А тут голосовое. Значит, хотела чтобы казалось естественным. Живым. Ненастороженным. Не перезвонила. Написала: *Все хорошо, закрутилась. Скоро наберу.* Положила телефон обратно.

Из ванной вышел Вова с полотенцем на плечах, влажный, довольный, потянулся к своему телефону на зарядке, и, на долю секунды, совсем чуть, скользнул взглядом по моему. Просто взгляд. Просто секунда.

Занесла в заметки: *среда, утро, голосовое от Н., его взгляд на мой телефон.*

Второе были духи.

Это заметила еще раньше, просто не складывала в картину. Вова всегда пользовался одним парфюмом, я подарила на день рождения три года назад, теплый древесный запах, он ему шел. Потом купила второй флакон когда первый закончился. Привычка, ритуал, его запах.

В четверг, когда уходил на очередную *встречу с партнерами*, почувствовала что-то другое. Незнакомое. Свежее, с цитрусом, не моя история, я такие не люблю.

Зашла в ванную после того как закрылась дверь. Его флакон стоял на полке. Открыла – да, свой, привычный. Но на коже при прощальном поцелуе был не этот.

Значит, где-то еще. В машине? В столе на работе? Занесла в заметки: *четверг, чужой запах, встреча до девяти вечера.*

Третье – цветы.

В пятницу вечером Вова пришел с букетом. Белые хризантемы, мои любимые, он помнит, всегда помнил. Поставил на стол, поцеловал, сказал *просто так*. Смотрела на эти хризантемы

и думала: просто так – это когда человеку хорошо и он хочет поделиться хорошим. Или когда человеку плохо и он пытается замазать плохое чем-то белым и красивым.

Поставила цветы в вазу. Поблагодарила. Улыбнулась.

Ночью лежала и слушала его дыхание и думала: семь лет назад он принес такие же хризантемы после нашей первой ссоры. Тогда я расплакалась от умиления и мы помирились еще в прихожей.

Сейчас лежу как камень и считаю потолочные плитки.

Занесла в заметки: *пятница, цветы без повода, третий раз за месяц.*

Заметки росли.

Была в этом какая-то странная холодная терапия: фиксировать, структурировать, не давать чувствам расплескаться раньше времени. В гимнастике есть упражнение на концентрацию: когда тело устало и болит и хочется упасть. Выбираешь одну точку на стене и смотришь только в нее. Точка держит. Пока видишь точку – стоишь.

Моей точкой стала эта заметка.

Но однажды вечером открыла ее и долго смотрела на эти строчки: даты, детали, наблюдения, и вдруг накрыло что-то совсем неожиданное. Не злость. Не обида.

Усталость. *Господи, как устала.*

Устала замечать. Устала складывать. Устала улыбаться за ужином и считать потолочные плитки ночью. Устала быть такой умной и такой спокойной и такой правильной.

Встала, прошла в ванную, закрыла дверь, включила воду, просто чтобы был звук, и сползла спиной по стене на холодный пол.

Вот оно. Вот то чего ждала.

Не рыдания – нет, что-то тише и глубже. Просто сидела на полу и смотрела как вода течет в раковине и думала: мне тридцать шесть лет. Я бросила гимнастику в двадцать два после травмы колена и думала: ну и ладно, начнется другая жизнь.

Потом бросила дизайн – ради его переездов, его графика, его *Саи, ну ты же понимаешь, сейчас неудобный момент*. Потом бросила Питер где родилась и где хотела жить, осталась в Москве потому что ему так удобнее. Мы даже о детях не говорили, потому что я уже знала, что придется бросить эту мысль.

Бросала по кусочку.

Каждый раз казалось, что это ерунда, это компромисс, так строится семья. А теперь сижу на полу в ванной в тридцать шесть лет и пытаюсь вспомнить: а что осталось? Что есть моего? Не нашего, не его, а именно моего?

Вода текла. За дверью Вова смотрел телевизор, я слышала приглушенный звук, смех из какой-то передачи. Поднялась. Умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Голубые глаза, мокрое лицо, волосы собраны наспех.

Бывшая гимнастка. Бывший дизайнер. Действующая жена. Несостоявшаяся мать.

Спросила свое отражение тихо и серьезно: *а ты вообще кто?*

Отражение не ответило.

На следующее утро я достала старый ноутбук на котором работала до переезда в Москву. Он долго загружался, возмущенно гудел вентилятор. Открылся рабочий стол: папки с проектами, эскизами, досье клиентов. Все это лежало здесь почти восемь лет и ждало своего часа.

Открыла первую попавшуюся папку. Проект квартиры в Петербурге. Молодая пара, небольшой бюджет, большие мечты. Помню их. Помню, как искала решения, как не спала ночами, продумывая планировку, как потом клиентка написала: *Александра, вы сделали нам дом.*

Сидела и смотрела на эти старые эскизы. И впервые за четыре дня внутри не было пусто. Там появилось что-то маленькое, хрупкое, но теплое. Не злость. Не план мести.

Просто тихое *я еще здесь*.

Записала в заметки, в самый конец, после всех дат и подробностей, одну строчку:

Найти номер Сергея Игоревича. По поводу работы.

Глава 4

Наташа написала в среду.

Не голосовым на этот раз – текстом.

Сашуль, сто лет не виделись, может кофе на этой неделе? Соскучилась. И смайлик с сердечком. Наташа всегда ставила смайлики с сердечками в любом сообщении, даже в *окей* и *поняла*. Это была ее манера, ее язык, я никогда не задумывалась об этом раньше.

Теперь смотрела на это сердечко и думала: ты скучала или совесть замучила?

Ответила через час, не сразу, чтобы не казаться слишком готовой. *Давай в пятницу, в Депо?* Депо – наше место, мы ходили туда лет пять, знали там каждый угол. Нейтральная территория. Шумно,людно, никто не услышит, если голос дрогнет.

Отлично – написала она мгновенно.

Значит, ждала ответа.

Пятница пришла быстро.

Стояла перед зеркалом и выбирала что надеть дольше обычного. Не ради Наташи, ради себя. Хотела чувствовать себя собранной. Защищенной. Выбрала серый свитер, темные джинсы, любимые ботинки на небольшом каблуке. Убрала волосы – не в хвост как дома, а нормально, как будто иду на встречу с человеком перед которым важно держать спину прямо.

Вова уже ушел на работу. На столе осталась его кружка с недопитым кофе. Всегда так, всегда не допивал до конца, всегда торопился. Раньше это казалось милой привычкой. Убрала кружку в раковину не думая об этом.

Наташа пришла раньше меня.

Это был первый знак, она никогда не приходила раньше, это была ее особенность, ее константа, можно было ставить часы по ее опозданиям. Сидела за угловым столиком, уже с кофе, в светло-бежевом пальто. Красивая, немного напряженная, слишком прямая спина.

Увидела меня, улыбнулась. Широко, радостно, по-настоящему как будто.

Или не как будто?

Вот в этом и была вся сложность, пятнадцать лет знаю этого человека и вдруг перестала понимать где настоящее а где нет.

Обнялись. Пахла своими духами, теми же что всегда, я дарила ей этот флакон на день рождения уже не помню когда и она с тех пор не меняла. Теплая, живая, родная – и одновременно чужая. Эти два ощущения существовали во мне параллельно и не отменяли друг друга.

Села напротив. Позвала официанта, заказала капучино.

– Ты хорошо выглядишь, – сказала Наташа.

– Ты тоже.

Пауза. Совсем короткая – но я ее почувствовала.

Говорила она много.

Это тоже был знак. Наташа не из болтливых, она человек точных фраз и долгих молчаний, мы всегда понимали друг друга с полуслова. Сейчас говорила без остановки: про Митю, он пошел в секцию по плаванию, тренер хвалит, такой серьезный стал мальчик. Про работу, мол сложный клиент, нервы, думает менять отдел. Про маму которая приезжала на прошлой неделе и они поругались из-за ерунды и теперь Наташа чувствует себя виноватой.

Слушала. Кивала. Задавала вопросы в нужных местах. И считала.

Когда Наташа врет или нервничает – трогает мочку уха. Правого. Это я заметила еще в университете, мы смеялись над этим вместе, она сама знала про свою привычку и злилась на себя. *Предаю себя каждый раз*, – говорила и смеялась.

За первые двадцать минут она тронула ухо четыре раза. Пила кофе и считала дальше.

– Как вы с Вовой? – спросила наконец – небрежно, между прочим, в середине фразы про Митиного тренера.

– Хорошо, – сказала так же небрежно. – Работает много, устает. Обычная жизнь.

– Да, – кивнула Наташа. – Обычная жизнь.

Пятый раз – ухо.

Смотрела на нее через стол и думала странную вещь: мы дружим пятнадцать лет. Знаю, как ты держишь чашку: двумя руками, снизу, как будто греешься. Знаю, что ты не ешь кинзу и боишься стоматологов и плачешь на любой мелодраме даже если фильм плохой. Знаю, что в детстве у тебя была собака Рыжик и ты до сих пор не можешь спокойно видеть рыжих дворняг на улице.

Знаю тебя.

И именно поэтому так больно.

Принесли еще кофе, она заказала второй, я не заметила когда.

– Саш, – вдруг сказала Наташа, и ее голос стал другим. Тише. Серьезнее. – Я хотела сказать... мы давно не разговаривали по-настоящему. Я имею в виду не просто за чашкой кофе, а так, как раньше. Помнишь, как мы до утра сидели в универе и болтали?

– Помню.

– Я скучаю по этому, – сказала, посмотрела на меня прямо, открыто, и в этом взгляде было столько всего, что у меня перехватило дыхание. В нем были и вина, и нежность, и страх, и что-то еще – что-то, чему я не хотела давать название.

Молчала секунду. Две.

Потом улыбнулась – ровно, спокойно, не давая эмоциям выплеснуться наружу.

– Я тоже скучаю.

Расплатились, оделись, вышли на улицу. Ноябрь встретил нас привычно: серым, промозглым, честным. Обнялись на прощание у метро. Наташа обнимала меня чуть дольше обычного.

– Давай почаще, – сказала она мне в плечо.

– Давай, – ответил я.

Смотрела, как она уходит, в своем бежевом пальто, быстрым шагом, чуть ссутулившись от ветра. Знакомая спина. Знакомая походка. Пятнадцать лет этой спины в моей жизни.

И вдруг – совершенно неожиданно для себя – подумала о Мите.

Это пришло само собой, без приглашения.

У Мити темные волосы. У Наташи серые глаза, у Антона – не помню точно. А у Вовы – серые глаза, темные волосы. Познакомились восемь лет назад. Митя родился семь лет назад. Наташа развелась с Антоном, когда Мите было четыре года, – значит, в браке что-то не ладилось. Значит, что-то шло не так.

Стояла у входа в метро и чувствовала как эти цифры складываются во что-то чему не хочу давать форму.

Стоп, – сказала себе. – *Это уже слишком.*

Митя – сын Антона. Я была на крестинах. Держала его на руках. Это факт, не домысел. Но факты у меня теперь в заметках. А заметки не врут. Зашла в метро. Села в вагон. Достала телефон – открыла заметку, написала дату, написала: *пятница, кофе с Н., правое ухо – шесть раз.*

Подумала секунду. Написала ниже: *уточнить, когда именно познакомились Н. и Антон. когда расстались. даты.*

Убрала телефон. Поезд тронулся. За темным стеклом мелькали тоннели и думала об одном: самое страшное в предательстве близкого человека не то что он сделал.

А то что теперь пересматриваешь все. Абсолютно все.

Каждый разговор, каждый смех, каждое *я скучаю*, и не знаешь больше что из этого было правдой, а что просто хорошо сыгранной ролью.

И самое страшное – что она играла так хорошо.

Или не играла?

Вот в чем весь ужас – до сих пор не знаю.

Глава 5

Позвонила маме в воскресенье. Просто так, без причины.

Хотя нет. Причина была. Просто не могла ее назвать вслух даже себе. Ни в заметках, ни в голове, ни в зеркало. Иногда нужно просто оказаться рядом с человеком который знает тебя больше чем ты знаешь себя.

Не говорить ничего важного. Просто сидеть на той кухне где пахнет ее пирогами и слушать как она рассказывает про соседку Люду и новый сорт герани на подоконнике.

Вова спросил куда еду.

– К маме, – сказала надевая пальто.

– Передавай привет, – ответил не отрываясь от ноутбука.

Даже не поднял голову.

Мама живет в Строгино – сорок минут на метро, я эту дорогу знаю как собственное дыхание. Каждую станцию, каждый переход, каждый запах. В детстве мы ездили этим маршрутом на тренировки – мама всегда провожала, сидела на трибуне с вязанием пока Зоя Павловна гоняла нас по залу. Никогда не пропустила ни одной тренировки за десять лет. Ни одной.

Думала об этом в вагоне, глядя в темное стекло на свое отражение. Мама – человек который никогда не бросил ни одного своего.

Дверь открылась раньше чем успела позвонить – она всегда слышит лифт.

– Сашенька, – обняла крепко, по-своему, как умеет только она – не просто руками, а как будто всем собой. – Похудела опять.

– Мам, я не худела.

– Я вижу, – сказала и больше не спорила.

На кухне пахло яблочным пирогом и корицей. Села на свое место, угловой стул у окна, мое место с семи лет, никто никогда на него не садился кроме меня. Мама поставила чайник, достала чашки, нарезала пирог. Все это молча, привычно, не требуя объяснений зачем приехала в воскресенье без предупреждения.

Пили чай.

За окном Строгино жило своей тихой воскресной жизнью: кто-то выгуливал собаку, двое мальчишек гоняли мяч у подъезда, бабушка с клетчатой сумкой шла куда-то с достоинством человека у которого есть цель.

– Как Вова? – спросила мама не глядя на меня, помешивая чай.

– Все хорошо. Работает.

Пауза.

Мама отложила ложку. Посмотрела, тем своим взглядом, которого всегда боялась в детстве. Не строгим, просто очень точным. Таким взглядом смотрят люди, которых невозможно обмануть не потому что они умные, а потому что они любят.

– Саша.

– Мам, все правда хорошо.

– Я не спрашиваю про Вову, – сказала тихо. – Я спрашиваю про тебя.

Открыла рот чтобы сказать *я тоже хорошо* – и не смогла. Что-то встало поперек горла. Просто смотрела в свою чашку и молчала и думала: вот сейчас заплачу, вот сейчас, прямо здесь за маминим столом как в детстве когда падала с бревна и терпела до дома.

Не заплакала. Просто сказала:

– Устала немного.

Мама кивнула. Встала, убрала со стола тарелку, снова села. Руки сложила перед собой.

– Знаешь что я тебе скажу, – начала она голосом человека который долго держал что-то при себе и наконец решился. – Я никогда не говорила. Не хотела лезть. Ты взрослая, у тебя своя жизнь, своя голова.

– Мам...

– Подожди, – мягко, но твердо. – Ты с Вовой слишком растворилась. Вот это правда и я давно хотела сказать. Ты была такой яркой девочкой, Сашенька. Такой своей. Помнишь как ты рисовала? Помнишь свои проекты, как ты рассказывала про них – глаза горели. А потом переехала в Москву и как будто... притихла. Я смотрю на тебя последние годы и думаю – где та Саша?

Молчала.

Потому что внутри что-то очень точно и очень больно отозвалось на эти слова, как будто мама нажала на место которое давно болит но я научилась не трогать.

– Ты счастлива? – спросила мама просто. Без подтекста. Без намека. Просто вопрос матери которая имеет право его задать.

Долго смотрела в окно на мальчишек с мячом.

– Я думала что да, – сказала наконец.

Мама не ахнула, не бросилась с расспросами. Просто накрыла мою руку своей. Ладонь теплая, знакомая, чуть шершавая, и так сидела рядом. Молчала. Давала молчанию быть.

Вот за что люблю маму больше всего на свете, она умеет молчать рядом так что не одиноко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.